

**Санкт-Петербургская
православная духовная академия
Архив журнала «Христианское чтение»**

Г.В. Прохоров

**Индивидуализм в произведениях
Леонида Андреева**

*Опубликовано:
Христианское чтение. 1912. № 9. С. 978-1002.*

© Сканирование и создание электронного варианта:
Санкт-Петербургская православная духовная академия
(www.spbda.ru), 2009. Материал распространяется на основе
некоммерческой лицензии [Creative Commons 3.0](#) с указанием
авторства без возможности изменений.

СПБПДА
Санкт-Петербург
2009

Индивидуализмъ въ произведеніяхъ Леонида Андреева.

И ОДИНЪ изъ современныхъ русскихъ писателей не пользуется такимъ успѣхомъ у читающей публики, какъ Л. Андреевъ. Произведенія его извѣстны всѣмъ, даже мало интересующимся русской литературой, разборы его рассказовъ и пьесъ можно встрѣтить и въ свѣтскихъ, и въ духовныхъ журналахъ, о немъ пишутъ какъ присяжные литературные критики, такъ и преосвященные архиастыри и профессора духовныхъ академій. Такая широкая популярность Л. Андреева, помимо его таланта и удачи, въ которой нуждается даже талантъ, объясняется тѣмъ, что въ своихъ сочиненіяхъ онъ, какъ въ свое время Горькій, является выразителемъ жизни текущаго момента, писателемъ, сумѣвшимъ уловить и передать въ художественныхъ образахъ мысли, чувствованія, переживанія и стремленія современаго ему интеллигентнаго общества. Творчество Андреева,—говорить одинъ изъ современныхъ критиковъ,—есть «незамѣнное отраженіе момента». Какая же основная черта произведеній Л. Андреева, какая основная идея его художественныхъ созданій, отразившихъ движенія современной русской мысли? Основной чертой въ произведеніяхъ Л. Андреева является ярко выраженный индивидуализмъ¹⁾ отрицательно-пессимистической окраски. Герои Л. Андреева не хотятъ признавать никакихъ авторитетовъ ни въ области теоріи, ни въ области практики и жизнедѣятельности. Исходнымъ пунктомъ ихъ философіи служитъ мысль и

¹⁾ Ср. М. А. Рейнеръ, „Л. Андреевъ и его соціальная идеология“. Опытъ соціологической критики. СПБ., 1909 г., стр. 4—5: „Андреевъ проникнутъ индивидуалистическимъ сознаніемъ и является фанатичнымъ послѣдователемъ его“.

убѣжденіе въ томъ, что ихъ личность имѣть абсолютную цѣнность, что она является мѣрою всѣхъ положительно вещей. Нѣть ничего выше и цѣннѣе моего я: все не—я, существуетъ лишь постольку, поскольку его признаетъ мое я. Нѣть никакихъ «должно» для личности, ни въ сферѣ религіи и морали, ни тѣмъ болѣе въ сферѣ общественныхъ обязанностей, имѣющихъ роковой наклонъ видѣть въ отдѣльномъ индивидуумѣ лишь средство къ устроенію общаго благополучія.

Эти общія разсужденія о творчествѣ Л. Андреева намѣ чаются два основныхъ тезиса, разъяснить и доказать которые и составить задачу настоящей статьи,—первый — основной: герои произведеній Л. Андреева отличаются ярко выражен нымъ индивидуализмомъ; второй—частный: индивидуализмъ андреевскихъ героевъ есть отображеніе индивидуалистического движения въ современномъ русскомъ обществѣ.

Прежде чѣмъ приступить къ раскрытию первого тезиса, необходимо указать на слѣдующую характерную особенность въ приемахъ литературного творчества Л. Андреева. Выступивши на литературное поприще въ 1898 г. съ рассказомъ «Баргамотъ и Гараська», Л. Андреевъ на первыхъ порахъ держится въ своемъ художественномъ творчествѣ теоріи реализма, напоминая своими рассказами ближе всего Чехова. Однако, позже, не безъ вліянія, быть можетъ, того же Чехова, Андреевъ все больше и больше отклоняется въ сторону символизма и затѣмъ стилизациі, смертельно враждебной реализму и быту. Эти новые приемы творчества приводятъ Андреева, съ одной стороны, къ чрезмѣрному увлечению фантастическими образами, ближе всего въ духѣ мрачной фантастики Эдгарда По,—увлеченію, вызвавшему такое Ѣдкое замѣчаніе у Л. Н. Толстого ¹⁾),—а, съ другой,—къ своеобразному отношенію къ дѣйствительности и ея фактамъ. Ни дѣйствительность, ни люди не интересуютъ сами по себѣ Андреева: они ему нужны лишь постольку, поскольку въ нихъ онъ хочетъ воплотить заинтересовавшую его идею; побуждаемый всецѣло захватившей его мыслью, Андреевъ не считаетъ предосудительнымъ измѣнять въ своихъ произведеніяхъ дѣйствительность и выводить въ нихъ такія историческая личности,

¹⁾ „Онъ меня пугаетъ, а мнѣ и не страшно“. Впрочемъ, В. В. Брусянинъ въ своей книжкѣ: „Леонидъ Андреевъ“. Жизнь и творчество. Москва, 1912 г., стр. 68, прим. *, отрицааетъ фактическую достовѣрность этой фразы.

которые съ исторіей не имѣютъ ничего общаго, и вообще создавать такие образы, которые не встречаются въ дѣйствительности. Указанными же обстоятельствами объясняется и то, почему у Андреева нѣтъ типовъ. Его герои не живые люди, а лишь тѣни и силуэты ихъ: настолько идея, символомъ которой они являются, заслонила въ нихъ живой образъ¹⁾.

Обращаемся къ первой изъ поставленныхъ задачь—къ характеристикѣ андреевскихъ героевъ индивидуалистовъ. Выше было упомянуто, что ихъ индивидуализмъ проявляется; съ одной стороны, въ отрицательномъ отношеніи ко всему, что не—я устанавливаетъ для личности, какъ обязанность,—и даже въ отрицаніи всего не—я, а, съ другой,—въ утвержденіи своего личнаго я,—что, впрочемъ, служить выражениемъ одного по существу акта, такъ какъ отрицаніе не—я есть вмѣстѣ съ тѣмъ утвержденіе моего я и утвержденіе только моего я есть отрицаніе не—я. На что же именно направляется отрицаніе андреевскихъ индивидуалистовъ? Прежде всего на отрицаніе въ мірѣ какой бы то ни было разумности и цѣлесообразности, на отрицаніе, въ частности, осмыслиности въ человѣческомъ существованіи. Въ мірѣ нѣть ни Бога, промышляющаго о вселенной и человѣкѣ, ни благого провидѣнія, а есть только «загадочная и безумно злая сила», тотъ «суровый и загадочный рокъ», который тяготѣлъ «надъ всей жизнью Василія Оивейскаго». Въ разсказѣ «Въ туманѣ» гимназистъ Павель Рыбаковъ думаетъ «о печальной и лишенной смысла жизни», «о жизни, въ которой все непонятно и совершается съ жестокой необходимостію». Керженцевъ утверждаетъ, что онъ любить жизнь «за ея жестокости, за свирѣпую мстительность и сатанински веселую игру людьми и событиями»²⁾. Въ разсказѣ «Большой шлемъ» Яковъ Ивановичъ плачетъ отъ жалости къ себѣ и всѣмъ другимъ, несвободнымъ отъ того «безсмысленно-жестокаго», которое разразилось надъ Николаемъ Дмитріевичемъ.

¹⁾ „У Андреева нѣтъ типовъ“, пишетъ К. И. Арабажинъ („Леонидъ Андреевъ“, стр. 272).—„У него только маски, чрезъ которыхъ говорить намъ самъ авторъ“. Самъ Андреевъ говоритъ о себѣ: „Я низко ставлю материальный нарядъ человѣка и беру человѣка въ его духовной сущности, ищу истинность человѣческой жизни“ (В. В. Брусянинъ, „Леонидъ Андреевъ“, стр. 14). А критикъ К. Чуковскій („Отъ Чехова до нашихъ дней“, стр. 239) считаетъ Л. Андреева „первымъ (по времени) импрессионистомъ въ русской литературѣ“.

²⁾ II, 10.—Сочиненія Андреева цитируются нами въ изданіи „Знанія“ (тт. I—IV) и „Шиповникъ“ (тт. V—VII).

чемъ. Всѣ люди «покорные рабы требовательной жизни и безотвѣтные слуги грозно молчащаго ничто», — какъ говорить Андреевъ въ «Елеазарѣ», — и это ничто навѣки губить всякую радость, всякое счастье, которое создаетъ или можетъ создать себѣ человѣкъ. Подъ мертвыми взорами «ничто» таеть человѣческое счастье такъ же, какъ растаялъ восковой ангелочекъ, повѣшенній Сашкой у печки (въ разсказѣ «Ангелочекъ»). Въ разсказѣ «Смѣхъ» говорится о томъ, какъ студентъ, не дождавшись на свиданіе горячо любимой дѣвушки, вмѣстѣ съ товарищами замаскированнымъ отправляется на вечеръ, где была и любимая имъ Евгенія Николаевна. Происходитъ объясненіе студента въ любви: дѣвушка покорена... моментъ, и счастье достигнуто. Но она захотѣла взглянуть въ лицо студенту и увидѣла вмѣсто воодушевленнаго лица «идиотски-спокойную, непоколебимо равнодушную, нечеловѣчески неподвижную физіономію» маски. Она не могла удержаться отъ смѣха... и счастье уплыло навсегда. Загадоченъ этотъ неумолимо жестокій рокъ, и никогда ни при какихъ усиліяхъ не разгадать его, никогда ни при какихъ стараніяхъ не узнать правды, не узнать истины. Яковъ Ивановичъ (въ «Большомъ шлемѣ») вдругъ озаряется мыслю: умершій партнеръ никогда не узнаетъ о томъ, что у него на рукахъ была большая игра,—никогда. Это слово получило вдругъ такой чудовищный и горький смыслъ, что Яковъ Ивановичъ упалъ въ кресло и заплакалъ. Въ разсказѣ «Ложь» мужъ, убившій свою жену, которая не говорила ему правды, только послѣ убийства понялъ, что ему не избавиться отъ лжи: онъ убилъ женщину, но осталась ложь, которую самъ же онъ сдѣлалъ безсмертной; и никогда ему теперь не узнать правды, никогда ему не быть счастливымъ. «О какое безуміе,—восклицаетъ онъ,—быть человѣкомъ и искать правды!»¹⁾. Съ понятіемъ неумолимаго и жестокаго рока мы встрѣчаемся и въ произведеніяхъ Метерлинка, Пшибышевскаго и Гамсуна, но въ то время какъ у нихъ этотъ рокъ изображается активной силой, у Андреева онъ есть начало пассивное и бездушное и тѣмъ не менѣе жестокое и враждебное человѣку²⁾. Въ «Жизни Человѣка» этотъ злой рокъ выводится въ образѣ «Нѣкоего въ сѣромъ», но вполнѣ

¹⁾ I, 174.

²⁾ Ср. П. Коганъ, „Очерки по истории новѣйшей русской литературы“. Томъ третій. Современники. Выпукъ II, Москва, 1910, стр. 46—48.

онъ изображенъ подъ видомъ «Стѣны». Стѣна «поднималась прямая и гладкая, и точно разрѣзала небо на двѣ половины. И наша половина неба была буро черная, а къ горизонту темно-синяя, такъ что нельзя было понять, гдѣ кончается черная земля и начинается небо». Грудью и лбами бются обѣ эту стѣну люди, съ цѣллю пробить ее и выйти на свѣтъ. Но они только раскровянили свои груди, стѣна же, окрасившаяся кровью безумцевъ, «осталась глухой и неподвижной». Ее проклинали, но «сумраченъ и грозно покоенъ былъ взглядъ ея безформенныхъ очей».

Страшень рокъ, и страшною онъ дѣлаетъ самое жизнь, которой боится Андрей Николаевичъ, хотѣвшій только бы издали смотрѣть, какъ живутъ другіе («У Окна»). Но некуда уйти отъ «Стѣны», онъ «Нѣкоего въ сѣромъ», и только проклятиями могутъ отомстить люди безсмысленному року. Проклинаютъ этотъ рокъ несчастные, очутившіеся у «Стѣны», проклинаетъ его Человѣкъ: «Я не знаю, кто ты, Богъ, дьяволъ, рокъ или жизнь—я проклинаю тебя».

Ужасна жизнь человѣка. Но неужели же она безпросвѣтна, неужели нѣть выхода? Два выхода находятъ герои Андреева. Болѣе слабые изъ нихъ прибѣгаютъ къ самоубійству. Мысль о самоубійствѣ приходитъ въ голову даже малолѣтнему Сашѣ и Сергею Петровичу. «Жизнь показалась ему узкою клѣткою, и часты и толсты были ея желѣзные прутья, и только одинъ незапертый выходъ имѣла она»; этимъ выходомъ и воспользовался Сергей Петровичъ, слѣдуя въ данномъ случаѣ наставленію Ницше. Но къ такому разрѣшенію вопроса самъ Андреевъ относится отрицательно, поскольку смерть есть нѣчто «бессмысленное, ужасное и непоправимое», а, съ другой стороны, поскольку и послѣ смерти человѣку не найти правды, не увидѣть свѣта и не узнать свободы и покоя. Въ «Саввѣ» Сперанскій утверждалъ, что «мертвые знаютъ правду», но что же? узналъ ее Лазарь, пробывшій за порогомъ жизни три дня, пришелъ ли онъ оттуда бодрый и радостный? Нѣть, изъ его глазъ смотрѣть только «непостижимое Тамъ», въ его очахъ пустота, которая мертвить все, на что только онъ направить ихъ взглядъ. «Это дураки,—говорить прокаженный отѣхъ, которые хотѣли лбомъ пробить стѣну.—Это дураки. Они думаютъ, что тамъ свѣтло. А тамъ тоже темно, и тоже пользуютъ прокаженные и просиять: убейте нась»¹⁾). Въ «Моихъ

¹⁾ „Стѣна“—I, 242.

Запискахъ» авторъ разсказываетъ о художнике, который, возненавидя безсмысленную и безцѣльную жизнь, кончаетъ самоубійствомъ. Сначала авторъ тоже думалъ, что самоубійство дастъ ему свободу, но потомъ онъ приходитъ къ убѣжденію, что и жизнь, и смерть—все обманъ: тюрьма и здѣсь, и тамъ; самый смыслъ слова «свобода» ему кажется идіотскимъ.

Итакъ, смерть не приносить человѣку избавленія (какъ это обстоитъ у Ф. Сологуба) по той простой причинѣ, что нѣтъ загробной жизни, нѣтъ бессмертія, а есть только пустота.

Другимъ путемъ идутъ болѣе сильные индивидуалисты Андреева. Они не капитулируютъ передъ жизнью, а мстятъ ей, какъ, напримѣръ, Сашка, обладавшій «непокорной и смѣлой душой», и вступаютъ съ ней или точнѣе съ судьбой въ борьбу, какъ, напр., Человѣкъ: «Эй ты, какъ тебя тамъ зовутъ: Рокъ, дьяволъ или жизнь, я бросаю тебѣ перчатку, зову тебя на бой! Малодушные люди преклоняются предъ твою загадочную властью, твоё каменное лицо внушаетъ имъ ужасъ, въ твоемъ молчаніи они слышать зарожденіе бѣдъ и грозное паденіе ихъ. А я смѣль и силенъ и зову тебя на бой. Поблестѣмъ мечами, позвенимъ щитами, обрушимъ на головы удары, отъ которыхъ задрожитъ земля! Эй, выходи на бой!»¹⁾.

Индивидуалисты Андреева не видятъ смысла въ жизни, не усматриваютъ цѣлесообразности и разумности въ мірѣ, отрицаютъ бессмертіе. Вполнѣ логичнымъ послѣ этого является отрицаніе ими и Бога: если бы былъ Богъ, тогда не было бы безсмысленной жизни и жестокой смерти и, наоборотъ, если есть безсмысленная жизнь и жестокая смерть, тогда нѣтъ Бога, и вѣра въ Него есть только предразсудокъ, проявленіе «неизбывной человѣческой глупости». «Моя мысль», — пишетъ авторъ «Моихъ Записокъ», — «воспитанная на законахъ строго научного мышленія, не можетъ признать ни чудесъ, ни божественности Того, Кто справедливо именуется Спасителемъ міра... Велика Твоя Голгоѳа, Іисусъ, но слишкомъ почтenna и радостна она, и нѣтъ въ ней одного маленькаго, но очень интереснаго штришка: ужаса безцѣльности»²⁾. Поскольку вѣра въ Бога предразсудокъ, постольку она мѣшаетъ устроенію человѣкомъ «новой жизни», и отсюда Богъ является для анархиста Саввы врагомъ. Когда сестра Саввы — Липа спросила его однажды, есть ли у него врагъ, то Савва отвѣчаетъ: «та-

¹⁾ „Жизнь человѣка“—V, 148.

²⁾ VII, 60—62.

кой пожалуй, есть: Богъ. Богъ, я говорю, ну Тотъ, Котораго вы называете Спасителемъ». И вотъ Савва ставить себѣ задачею побѣдить этого врага и такимъ образомъ избавить людей отъ религіознаго предразсудка. Съ этою цѣлію онъ задумываетъ взорвать динамитомъ чудотворную икону Спасителя. «Динамитъ»,—рассуждаетъ Савва, — «сильнѣе ихъ Бога. А человѣкъ—сильнѣе динамита. Вотъ они (люди) кланяются, вотъ они молятся, вотъ они прямо взглянуть не смѣютъ, холопы поганые, а пришелъ *настоящий*¹⁾ человѣкъ и разрушилъ. Готово!.. И когда такъ будетъ разрушенъ десятокъ ихъ идоловъ, они почувствуютъ, холопы, что кончилось царство ихняго Бога и *наступило царство человѣка*²⁾. Докторъ Керженцевъ собирается «взорвать на воздухѣ проклятую землю, у которой такъ много богоў и никто единаго вѣчнаго Бога»³⁾. Во имя того человѣческаго царства, которое проповѣдуетъ Савва и которое запечатлѣно характеромъ лжи и зла, предаетъ Христа и Іуда. «Онъ»,— говоритъ преосвященный авторъ статьи: «Индивидуалистическое міросозерцаніе Леонида Андреева»,— «хотеть свою личность, какъ особую и противоположную, обосновать на союзѣ со Христомъ, ибо признаетъ равное право на существование противоположныхъ индивидуальностей съ разными правдами — доброю и злую: «велика тайна Твоихъ прекрасныхъ глазъ, но развѣ моя меньше?—спрашиваетъ Христа Іуда»⁴⁾. Чаще, впрочемъ, андреевскіе индивидуалисты свое отрицаніе Бога строятъ, въ противорѣчіи съ самими собою, на другихъ соображеніяхъ, именно на тѣхъ, на которыхъ обосновывалъ свой «бунтъ» противъ Бога Иванъ Карамазовъ: если въ мірѣ есть несправедливость, если въ немъ страдаютъ люди, то въ мірѣ нѣть Бога. Когда Василій Фивейскій увидѣлъ себя обманутымъ въ своей вѣрѣ воскресить умершаго крестьянина, онъ кричитъ святотатственно, грозно: «Ему не нужно рая. Тутъ его дѣти. Они будутъ звать: отецъ. И онъ скажетъ: сними съ головы моей вѣнецъ небесный, ибо тамъ—тамъ соромъ и грязью покрываютъ моихъ дѣтей... Такъ зачѣмъ же я вѣрилъ? Такъ зачѣмъ же Ты далъ мнѣ любовь къ людямъ и жалость—чтобы посмѣяться надо мною?»⁵⁾. И Ма-

¹⁾ Курсивъ нашъ.   ²⁾ „Савва“—IV, 254—255.

³⁾ Курсивъ автора. „Мысль“—II, 53.

⁴⁾ Епископъ Георгій, „Индив. мірос. Л. Андреева“ въ журналѣ „Вѣра и Разумъ“ за 1909 г., №№. 9 и 10. Отдѣльный оттискъ, стр. 17.

⁵⁾ II, 190—191.

руся въ пьесѣ «Къ звѣздамъ» въ отчаяніи восклицаетъ: «Что же это? Проклятая жизнь! Гдѣ же Богъ этой жизни, куда Онъ смотритъ? Проклятая жизнь. Изойти слезами, умереть, уйти! Зачѣмъ жить, когда лучшіе погибаютъ, когда разбита прекрасная форма! Ты понимаешь это, отецъ? Нѣть оправданія жизни—нѣть ей оправданія»¹⁾.

Отвергнувъ вѣру въ Бога и поставивъ на мѣстѣ Бога человѣка и именно *настоящаго человѣка*, т. е., сильную и свободную личность, не останавливающуюся ради осуществленія своихъ желаній и стремленій даже предъ мыслю объ уничтоженіи всего человѣчества (Савва), Андреевъ вполнѣ логично отрицаетъ обязательность для личности какихъ бы то ни было этическихъ предписаній. Какія же могутъ быть предписанія той свободной личности, которая стоитъ выше всего въ мірѣ и, въ частности, выше всѣхъ не настоящихъ людей? «Я любилъ», — пишетъ Керженцевъ, — «свою человѣческую мысль, свою свободу. Я ничего не зналъ и не знаю выше своей мысли и я боготворилъ ее. На вершину высокой горы она вознесла меня, и я видѣлъ, какъ глубоко внизу копошились людишки съ ихъ мелкими животными страстями, съ ихъ вѣчнымъ страхомъ предъ жизнью и смертію, съ ихъ церквами, обѣднями и молебнами. Развѣ я не былъ и великъ, и свободенъ, и счастливъ... Царь надъ самимъ собою, я былъ царемъ и надъ міромъ»²⁾). Но царю вселенскому не предписываютъ законовъ, онъ самъ себѣ законъ, ибо въ немъ самомъ мѣра всѣхъ вещей; а если онъ самъ является мѣрою всѣхъ вещей, то ясно, что нѣть и не можетъ быть общеобязательныхъ этическихъ законовъ. «Для меня», — утверждаетъ Керженцевъ, — «нѣть судьи, нѣть закона, нѣть недозволенного. Все можно. Вы можете представить себѣ міръ, въ которомъ нѣть законовъ притяженія, въ которомъ нѣть верха, низа, въ которомъ все повинуется только прихоти и случаю. Я, докторъ Керженцевъ, этотъ новый міръ. Все можно»³⁾). Но если для андреевскаго индивидуалиста все можно и все дозволено, если для него нѣть судьи и закона, тогда для него нѣть и различія между добромъ и зломъ, между нравственнымъ и безнравственнымъ. И Керженцевъ дѣйствительно это утверждаетъ: «Вы скажете», — пишетъ онъ, — «что нельзя красть, убивать и обманывать потому, что это безнравственность и преступленіе, а я вамъ докажу, что можно

¹⁾ IV, 199.

²⁾ „Мысль“—II, 49—50.

³⁾ „Мысль“—II, 52—53.

убивать и грабить и что это очень нравственно. И вы будете мыслить и говорить, и я буду мыслить и говорить, и все мы будемъ правы, и никто изъ насъ не будетъ правъ. Гдѣ судья, который можетъ разсудить насъ и найти правду?»¹⁾. Послѣ этого вполнѣ понятнымъ представляется то «глубокое и искреннее презрѣніе», которое Керженцевъ питалъ къ «ходячей морали». Чтобы доказать это презрѣніе, онъ, еще будучи студентомъ 5-го семестра, укралъ 15 рублей товарищескихъ денегъ, которые и прокутилъ въ ресторанѣ. И его радовало, что онъ сумѣлъ сдѣлать это хорошо и ловко и что онъ могъ смотрѣть прямо въ глаза тѣмъ, кому смѣло и свободно лгалъ. «Но болѣе всего я былъ *гордъ тѣмъ*, — говоритъ Керженцевъ, — что *совершенно не испытываю уризеній совѣсти*»²⁾. Нагляднѣе всего проявляется Керженцевъ свое презрѣніе къ ходячей морали тогда, когда изъ мести къ отвергнувшей его женщинѣ опять убиваетъ ея мужа, а своего друга. Убійство не смущаетъ Керженцева, потому что для него оно не преступление. «Для тѣхъ, кто вѣритъ въ Бога», — разсуждаетъ онъ, — («есть») преступленіе предъ Богомъ, для другихъ — преступленіе предъ людьми; для такихъ, какъ я, преступленіе предъ самимъ собой. Было бы большимъ преступленіемъ, еслибы, признавъ необходимость убить Алексея, я не выполнилъ этого рѣшенія... Не боялся я и самого себя, и это было важнѣе всего»³⁾.

Гордое признаніе андреевскими индивидуалистами только своего я, царственno возвышающагося надъ всѣми людьми и даже міромъ, приводить ихъ не только къ отрицанію «ходячей морали», но и къ презрительному и даже враждебному отношенію ко всѣмъ не—я, ко всѣмъ людямъ. «Онъ не любилъ людей», говоритъ Андреевъ о Сергѣѣ Петровичѣ. Собравшіеся у Стѣны люди лишь по временамъ, только забываясь, веселились и танцевали, но потомъ «съ визгомъ, въ которомъ еще не исчезла радость, мы начинали грызть другъ друга и убивать». Василій Фивейскій спрашиваетъ свою dochь Настю: «Ты меня не любишь?» — «Нѣть. Я никого не люблю». — «Какъ и я! и ноздри попа раздулись отъ сдержаннаго смѣха». «Я очень люблю жизнь», — говоритъ Керженцевъ... «Я люблю себя, силу своихъ мышцъ, силу своей мысли, ясной и точной. Я люблю то, что

¹⁾ „Мысль“—II, 47.

²⁾ Курсивъ нашъ. „Мысль“—II, 9.

³⁾ „Мысль“—II, 7—8.

я одинокъ, и не одинъ любопытный взглѣдъ не проникъ въ глубину моей души съ ея темными провалами и безднами, на краю которыхъ кружится голова... Я былъ единственный человѣкъ, котораго я уважалъ»¹⁾. «Человѣкъ», увѣренный въ себѣ, въ своей силѣ, проходить мимо гостей, «точно не замѣчая окружающихъ», и домъ свой онъ построилъ на горѣ, вдали отъ людей и людскихъ заботъ. Николай (изъ разсказа «Въ темную даль») «разносилъ холодъ по всему своему пути», въ его взглѣдѣ было что-то «страшное, холодно-свирѣпое и отчаянное». Савва не любить людей, которыхъ онъ готовъ принести въ жертву своей анархической идеи—оголить землю. «А вамъ и не жалко?»—спрашиваетъ Савву монахъ Кондратій. «Ихъ-то?—Они мнѣ тюрьму выстроили, а я ихъ, жалѣть буду? Тебѣ въ голову гвозди вбивали, или нѣтъ? Нѣтъ. Ну, а у меня вся голова гвоздями утыканы—мастера они гвозди вгонять, пожалѣть ихъ надо?»²⁾ «Нѣтъ, Савва,»—говорить брату Липа,—«ты никого не любишь, ты только себя любишь, свои мечты. Кто любить людей, тотъ не станетъ отнимать у нихъ все, тотъ не поставить свое желаніе выше ихъ жизни. Уничтожить все! Уничтожить Голгофу!—Ты подумай: (съ ужасомъ) уничтожить Голгофу! Самое свѣтлое, что было на землѣ!»³⁾

Не любя людей, индивидуалисты Андреева не любить и всего того, чѣмъ они живутъ, всѣхъ ихъ радостей, горестей, всѣхъ ихъ желаній и стремленій. На вопросъ Анны, что нужно разумѣть подъ суетными заботами, Сергій Николаевичъ, директоръ обсерваторіи, расположенной гдѣ-то въ горахъ, отвѣчаетъ: «Смерть, несправедливость, несчастія, всѣ черныя тѣни земли—вотъ суетныя заботы». «Человѣкъ»,—говорить онъ въ другомъ мѣстѣ,—«думаетъ только о своей жизни и о своей смерти—и отъ этого ему такъ страшно жить и такъ скучно, какъ блохѣ, заблудившейся въ склепѣ»⁴⁾. И авторъ «Моихъ записокъ» прячется отъ людей въ тюрьмѣ, а когда его освободили изъ тюрьмы, онъ самъ строить себѣ тюрьму и нанимаетъ сторожа, который слѣдилъ бы за тѣмъ, чтобы заключенный строго соблюдалъ тюремный режимъ.

Относясь отрицательно вообще къ скучной жизни людей и къ ихъ мелкимъ заботамъ о себѣ, Андреевъ въ частности

¹⁾ „Мысль“—II, 9—10.

²⁾ „Савва“—IV, 255.

³⁾ „Савва“—IV, 276.

⁴⁾ „Къ звѣздамъ“—IV, 193.

такъ же отрицательно относится и къ заботамъ человѣка обѣ устроеніи своей общественной жизни. Въ этомъ отношеніи характерна его драма «Къ звѣздамъ», написанная имъ въ самый разгаръ революціоннаго движенія. Андреевъ помѣщаетъ своего героя—астронома Сергія Николаевича куда-то въ горы, поближе къ звѣздамъ и подальше отъ земли, на которой идетъ борьба за свободу. На фронтонѣ его обсерваторіи сдѣлана надпись: «Это храмъ Ураніи. Прочь суэтныя заботы! Попирается здѣсь суэтная земля—отсюда идуть къ звѣздамъ»¹). Въ этой же пьесѣ, когда Анна, дочь Сергія Николаевича, высказывается противъ ученыхъ, которые дѣлаютъ науку предлогомъ, чтобы уклоняться отъ общественныхъ обязанностей», Шмидтъ возражаетъ ей: «Человѣкъ долженъ говорить: «я хочу», обязанность—это рабство»²). И это потому, что общественные обязанности, какъ и вообще стремленіе къ устроенію соціального благополучія, ограничиваютъ личность³). Нечего и говорить, что если для андреевскаго индивидуалиста не существуетъ закона, судьи и нравственности, то тѣмъ болѣе въ его лексиконѣ не найдется мѣста для словъ: служеніе обществу и самопожертвованіе ради общества. «Я не хочу быть нѣмымъ матеріаломъ для счастья другихъ»,—восклицаетъ Сергій Петровичъ, не принадлежавшій къ числу сильныхъ индивидуалистовъ и настоящихъ людей;—«я самъ хочу быть счастливымъ, сильнымъ и свободнымъ и имѣю на это право»⁴). Такъ же отрицательно относится Андреевъ и къ экономическимъ вопросамъ. Для него борьба классовъ, борьба богатыхъ и бѣдныхъ есть безсмысленная исторія, создаваемая голоднымъ желудкомъ, Царемъ—Голодомъ. Дѣвушка въ черномъ (изъ «Царя-Голода»), подъ

¹) IV, 165.   ²) IV, 163.

³) Самъ Андреевъ такъ опредѣляетъ свое отношеніе къ общественности: „Русская жизнь сложилась такъ, что каждый россійскій гражданинъ, кому дорого будущее родины, долженъ быть или революціонеромъ, или человѣкомъ перспективы „малыхъ дѣлъ“. Я могъ бы быть только или писателемъ-революціонеромъ, или писателемъ анализа и синтеза жизни и человѣческаго духа. Совмѣщеніе невозможно! Предстояло рѣшеніе: или уйти въ революцію, или оставаться у „малыхъ дѣлъ“ и щекотать себя революціонностю.—„Если хочешь быть революціонеромъ, будь партійнымъ“,—говорили мнѣ. Но я, какъ и покойный Чеховъ, говорю: партійность для художника—смерть!..“ (B. B. Брусянинъ, „Леонидъ Андреевъ“, Москва, 1912, стр. 15—16).

⁴) „Разсказъ о Сергіѣ Петровичѣ“—I, 94.

которой можно разумѣть русскую интеллигенцію ¹⁾, не склоняется ни въ сторону богатыхъ, ни въ сторону бѣдныхъ: она презираетъ богатыхъ, но не ратуетъ и за бѣдныхъ. Итакъ, подальше отъ экономическихъ интересовъ, отъ экономическихъ вліяній, которыхъ такъ губительны для личности. Рабочіе одного завода жалуются въ пьесѣ «Царь-Голодъ»: «Мы голодны». «Мы задавлены машинами». «Мы задыхаемся подъ ихъ тяжестью». Эти машины обезличили человѣка и самого превратили въ машину. «Звонкій рыдающій голосъ: Мы сами части машинъ.—Я молотъ.—Я шелестящій ремень.—Я рычагъ». «Слабый голосъ: Я маленький винтикъ, съ головою, разрѣзанною на двое...—Я маленький кусочекъ угля...—Мы машины. Нѣть, мы пища для машинъ». Голоса звучать испуганно и жалобно. «О страшныя машины! О могучія машины! Будемъ, молиться. Будемъ молиться машинамъ». Въ заключеніе совершенно обезличенные рабочіе поютъ гимнъ машинъ: «Кто сильнѣе всѣхъ въ мірѣ? Кто страшнѣе всѣхъ въ мірѣ? Машина. Кто всѣхъ прекраснѣе, богаче и мудрѣе? Машина. Что такое земля? Машина. Что такое небо? Машина. Что такое человѣкъ? Машина. Машина» ²⁾.

Машины обезличиваютъ человѣка, но однѣ ли только машины? Нѣть, обезличиваетъ общество, обезличиваетъ вообще общественная, вообще совмѣстная жизнь, въ которой растворяется индивидуальность. Вотъ почему индивидуалисты Андреева не любятъ людей,—и даже города и дома, въ которыхъ живутъ люди глубоко имъ ненавистны, хотя въ то же время и страшны для нихъ. Петровъ (въ разсказѣ «Городъ») боится «огромнаго равнодушнаго города», въ которомъ нѣть мѣста для его индивидуальности. Этотъ городъ «колоссальной тяжестью своихъ каменныхъ раздутыхъ домовъ давилъ землю, на которой стояль, и идущему человѣку становилось страшно: будто онъ замеръ на одномъ мѣстѣ» ³⁾. Городъ—это врагъ индивидуальности.—«Я боюсь города»,—говорить авторъ разсказа «Проклятие звѣря».—«Я боюсь города, его каменныхъ стѣнъ и людей его, у которыхъ маленькая сжатыя кубическія души, имѣющія такъ много дверей и ни одного свободнаго выхода» ⁴⁾. Его тянетъ вонъ изъ города, на просторъ. Однако, потомъ

¹⁾ Ср. К. И. Арабажинъ, „Леонидъ Андреевъ“. Итоги творчества. Литературно-критический этюдъ. СПБ., 1910 г., стр. 187.

²⁾ „Царь голодъ“—VI, 23—24.

³⁾ III, 158—159.

⁴⁾ VI, 221.

опять является желаніе быть въ городѣ. Но, возвратившись въ городъ, авторъ замѣчаетъ, что онъ все больше и больше обезличивается, что онъ какъ двѣ капли воды становится похожимъ на окружающихъ. Онъ не только дѣлаетъ то, что и другіе, не только одѣвается такъ же, какъ они, но и мыслить начинаетъ одинаково съ другими, — говоря короче — теряетъ свою индивидуальность и растворяется въ свою личность. И сознаніе этого наполняетъ злобою человѣка. По примѣру звѣря, «въ своей грязной лоханкѣ» проклиниавшаго «и городъ этотъ, и людей, и землю, и небо», и человѣкъ хочетъ проклинать городъ. «Послушай, стариkъ! Выходи сюда. Я буду рядомъ съ тобою. Мы будемъ проклинать вмѣстѣ. Кричи, громче кричи. Пусть услышитъ тебя городъ и земля, и небо. Громче кричи, стариkъ. Тебѣ не долго осталось жить, кричи объ опасности, кричи объ ужасѣ этой жизни, кричи о смерти! И проклинай, проклинай, и къ твоему проклятію звѣря я присоединяю мое послѣднее проклятіе человѣка. Городъ! Городъ!»¹⁾). Есть одно средство не поддаться нивелирующему вліянію города — это уйти подальше отъ людей, углубиться въ самихъ себя. Такъ и поступаютъ индивидуалисты, и это то обстоятельство, независимо отъ другихъ еще причинъ, дѣлаетъ героявъ Андреева одинокими для себя и непонятными для другихъ. Одинока Вѣра, дочь о. Игнатія (въ разсказѣ «Молчаніе»), молчитъ она, далекая отъ окружающихъ, отъ отца и матери, и напрасно отецъ умоляетъ ее открыть имъ свою тайну. Она не открываетъ тайны, а уносить ее въ могилу. Одинокъ Николай (въ разсказѣ «Въ темную даль»), не понять его окружающимъ, и уходитъ онъ изъ родного дома, несмотря ни на какія мольбы, въ темную даль. Одинокъ и Керженцевъ, который заявляетъ: «Я люблю то, что я одинокъ»...²⁾) «Одинокій въ пустотѣ вселенной», — пишетъ онъ далѣе, — «и въ самомъ себѣ не имѣю я друга»³⁾). «Какъ я чуждъ всѣмъ этимъ людямъ и одинокъ въ мірѣ, — я, навѣки заключенный въ эту голову, въ эту тюрьму»⁴⁾). Одинокъ Человѣкъ, живущій въ домѣ, построенномъ на горѣ, вдали отъ людей. Одинокъ Савва, который не любитъ никого кромѣ себя. Одинокъ авторъ «Моихъ Записокъ», тюрьму предпочитающей свободной жизни среди людей.

Таковъ индивидуалистъ Андреева. Нѣть для него ничего святого, кромѣ его собственнаго, царственнаго я. Но скепти-

¹⁾ „Проклятіе звѣря“ — VI, 260.

²⁾ II, 9.

³⁾ II, 51.

⁴⁾ II, 24.

цизмъ Андреева разрушаетъ и эту святыню, когда утверждается, что молчить, обманывать и лжетъ не только дѣйствительность, не только люди, которые Тюхѣ (въ драмѣ «Къ звѣздамъ») представляются рожами или масками, но лжетъ и человѣческое я. Въ человѣкѣ таятся противорѣчивыя, загадочные и разрушающія силы, которыхъ онъ не только не можетъ подчинить своей власти (рассказъ «Бездна»), но которыхъ онъ не можетъ понять и о существованіи которыхъ онъ и не подозрѣваетъ, какъ Лоренцо въ «Черныхъ Маскахъ». «Зловѣшнее одиночество»,—пишетъ Керженцевъ,—«когда самого себя я составляю лишь ничтожную частицу, когда въ самомъ себѣ я окружены и задушенъ угрюмо молчащими, таинственными врагами. Куда ни иду я, я всюду несу ихъ съ собою; одинокій въ пустотѣ вселенной, и въ самомъ себѣ не имѣю я друга. Безумное одиночество, когда я не знаю, кто я, одинокій, когда моими устами, мою мысллю, моимъ голосомъ говорятъ невѣдомые *они*»¹). Бѣда въ томъ, что въ самомъ человѣкѣ нѣть правды, въ его душѣ находящаяся «въ кровавой борьбѣ... съ безсмертной правдой непостижимыми путями ложь переходить въ правду и правда становится ложью»²). Ничего выше своей мысли не зналъ Керженцевъ, онъ баготоворилъ ее, но она измѣнила ему: ложь она стала выдавать за правду и правду за ложь.

Такъ Андреевъ приходитъ къ абсолютному скепсису, и понятно, почему Савва говоритъ своей сестрѣ: «Вотъ обнимаю я глазами землю, всю ее, весь этотъ шарикъ, и нѣть на ней ничего страшнѣе человѣка и человѣческой жизни»³), почему утверждаетъ и Царь-Голодъ: «я былъ вездѣ, и страшнѣе всего у человѣка»⁴).

Таковъ тотъ тупикъ, въ который уперлись всеотрицающіе индивидуалисты Андреева. Дальше идти было некуда; нужно было думать о томъ, какъ выбраться изъ тупика. А выбраться необходимо. Даже Керженцевъ, этотъ ультраиндивидуалистъ, и тотъ взываетъ: «Кто сильный дастъ мнѣ руку помощи?.. Гдѣ найду я то вѣчное, къ чему я могъ бы прилѣпиться съ своимъ жалкимъ, безсильнымъ, до ужаса одинокимъ «я»?»⁵).

Какой же выходъ изъ этого ужаснаго положенія указы-

¹) „Мысль“—II, 50—51.

²) „Мои записки“—VII, 58.

³) „Савва“—IV, 225.

⁴) „Царь голодъ“—VI, 18.

⁵) „Мысль“—II, 51.

вается Андреевымъ? Андреевъ намѣчаетъ три выхода. Первый—это признать за правду ложную по существу мысль о томъ, что въ мірѣ царствуетъ «великая цѣлесообразность, гармонія и красота», что истинная и свободная жизнь возможна только въ тюрьмѣ. Это проповѣдь спасенія людей не правдой, а ложью. «Говоря правду», — пишетъ авторъ «Моихъ Записокъ», — «я привожу людей къ ошибкѣ и тѣмъ обманываю ихъ; утверждая ложь, привожу ихъ, наоборотъ, къ истинѣ и познанію». Авторъ «Моихъ Записокъ» допускаетъ даже такую святотатственную мысль, что Христосъ поддался искушенню діавола въ пустынѣ, но что въ евангелии въ разсказѣ объ этомъ событии допущена неправда¹⁾.

Большаго вниманія заслуживаетъ другой выходъ, указываемый Андреевымъ въ «Елеазарѣ» и въ драмѣ «Къ звѣздамъ»: это жить ради самой жизни, жить настоящей минутой. Одинъ только импер. Августъ выдержалъ мертвящій взглядъ Елеазара и именно потому, что «въ страданіяхъ и радости жизни» онъ нашелъ «защиту противъ мрака пустоты и ужаса Безко-нечнаго». Петя въ драмѣ «Къ звѣздамъ» говорить отцу: «Мнѣ теперь такъ хочется жить—отчего это? Вѣдь я попрежнему не понимаю, зачѣмъ жизнь, зачѣмъ старость и смерть? — а мнѣ все равно»²⁾.

Въ самое послѣднее время Андреевъ нашелъ новый выходъ, уже религіозный, хотя и въ мистической окраскѣ. Василій Фивейскій отвергъ вѣру въ Бога, но это потому, что онъ былъ гордъ и требовалъ чуда у Бога, наоборотъ, когда раньше онъ смиренно повѣрилъ Богу, онъ ощущилъ «неизъяснимую и ужасную близость Бога». Эта мысль подробнѣе развивается Андреевымъ въ «Анатемѣ». Анатема—это образъ «преданного заклятию» человѣческаго разума, который исчисляеть числомъ и измѣряеть мѣрою, т. е., идетъ къ познанію истины путемъ опыта. Но не достигнуть ему этимъ путемъ вѣдѣнія тайнъ Великаго Разума, Начала всякаго бытія. Эти тайны открываются другимъ людямъ: ихъ постигъ бѣдный еврей Лейзеръ, увѣровавшій въ Бога и возлюбившій близ-нихъ. Онъ «достигъ бессмертія въ бессмертіи огня», т. е., того таинственного мистического огня, которымъ очищенъ былъ въ «Черныхъ Маскахъ» Лоренцо. Съ привнесеніемъ Андреевымъ въ его философію религіознаго начала, послѣдняя теряетъ свой

¹⁾ VII, 49—50.

²⁾ IV, 193.

сухой и умственный характеръ и широко открываетъ двери чувству благожелательного отношенія къ людямъ, которое, хотя и слабо, но слышится и въ пьесѣ «Къ звѣздамъ», и въ «Проклятіи звѣря», и въ «Тѣмъ» и, наконецъ, достигаетъ размѣровъ любви въ «Анатемѣ». Своебразное, именно въ духѣ теоріи позитивнаго прогресса, освѣщеніе получаетъ это чувство въ самыхъ послѣднихъ произведеніяхъ Л. Андреева, напр., въ написанномъ въ октябрѣ 1911 г. и только что вышедшемъ въ свѣтъ «Сашкѣ Жегулевѣ». Но эти произведенія, начинающія новую полосу въ творчествѣ Л. Андреева, не входятъ въ задачу нашей настоящей статьи.

Обращаясь теперь ко второму тезису, бросимъ ретроспективный взглядъ на судьбу въ русской литературѣ и обществѣ идей индивидуализма съ тѣмъ, чтобы яснѣе представить себѣ ту историческую обстановку, при которой выступилъ съ своими индивидуалистами Л. Андреевъ, и тѣ индивидуалистическія движенія мысли и чувствованій интеллигентнаго общества, которыя онъ отразилъ въ своихъ произведеніяхъ.

Общество, принимая къ себѣ нового члена и предоставляя ему извѣстныя права, въ то же время налагаетъ на него и опредѣленныя обязанности, ограничивая такимъ образомъ его личность. При этомъ общество всегда имѣеть тенденцію сократить права индивидуума и даже вызвать его на самопожертвованіе. Съ другой стороны, и индивидуумъ, какъ членъ общества, стремится къ тому, чтобы расширить свои права за счетъ своихъ обязанностей, стѣснительныхъ для его личности. Отсюда между личностью и обществомъ всегда идетъ тайная борьба, которая подъ вліяніемъ тѣхъ или иныхъ историческихъ обстоятельствъ выдвигаетъ на первый планъ то личность, то общество.

На зарѣ русской общественности, т. е., въ началѣ XIX в., въ эпоху расцвѣта романтизма¹⁾ въ русской литературѣ за-

¹⁾ „Въ міровой скорби конца XVIII и начала XIX вѣка антисоціальныя тенденціи“,—пишетъ проф. Н. А. Котляревскій,—„выражены вполнѣ отчетливо; человѣкъ не только скорбитъ и сожалѣетъ о ближнемъ, онъ ненавидитъ его и презираетъ; и, что всего важнѣе, онъ поднимается на эту ступень противообщественнаго пессимизма не въ силу врожденныхъ ему злобныхъ наклонностей, а движимый все той же любовью, тѣмъ же нравственнымъ гуманнымъ чувствомъ, которое въ немъ оскорблено, принижено и доведено до своего отрицанія“ („Міровая скорбь въ концѣ XVIII и въ началѣ XIX вѣка“. Ея основные этическіе и соціальные мотивы и ихъ отображеніе въ художественномъ творчествѣ. СПБ., 1910², стр. XII).

мѣтно господствуетъ индивидуализмъ¹⁾. Пушкинъ, особенно во вторую половину своей литературной дѣятельности, все дальше и дальше уходитъ отъ общества, какъ обѣ этомъ свидѣтельствуютъ его стихотворенія «Чернь», «Поэту». Не безъ вліянія Жуковскаго, а чрезъ него и нѣмецкаго романтизма съ его взглядомъ на поэта, какъ «сына небесъ»²⁾, безконечно возвышающагося надъ толпой³⁾, Пушкинъ замыкается въ тѣсный кругъ интересовъ своей личности. Это-то обстоятельство дало Бѣлинскому, борцу за общественные идеалы, поводъ утверждать (въ 1834 г.), что «Пушкинъ умеръ или можетъ быть только обмеръ на время». Гораздо рѣзче индивидуализмъ проявился въ произведеніяхъ Лермонтова, въ своемъ Печоринѣ давшаго типъ какого-то анархиста, который пришелся, впрочемъ, по душѣ людямъ 40-хъ годовъ, опознавшимъ въ немъ своего⁴⁾, и вызвалъ неодобрительный отзывъ со стороны такого общественника, какъ Добролюбовъ⁵⁾. Гоголь, находившійся подъ непосредственнымъ вліяніемъ Пушкина, воспитался въ воззрѣніяхъ родственнаго послѣднему кружка Жуковскаго, Плетнева и кн. Вяземскаго. Какъ они, Гоголь стоялъ въ сторонѣ отъ общественной жизни. Его вниманіе сосредоточилось не на обществѣ, а на личности и ея переживаніяхъ. Онъ и не думаетъ задаваться вопросами, напр., о томъ, что создаетъ

¹⁾ Въ началѣ XIX в. большое влияніе на русскихъ писателей (Пушкина, Лермонтова) окажать Байронъ, поэзія котораго, по выраженію проф. Н. А. Котляревскаго, „была послѣдней исповѣдью разочарованнаго и озлобленнаго идеалиста... На этой ступени своего развитія озлобленный гуманистъ—самый рѣзкій выразитель антисоціальныхъ стремлений. Онъ отрицаетъ любовь къ людямъ и состраданіе считаетъ слабостью. Надъ жизнью, въ движеніи которой онъ не участвуетъ, надъ людьми, которыхъ онъ не любить и которыхъ презираетъ и ненавидитъ, возвышается его независимая личность. гордая, сильная... Мрачный герой все же способенъ на страстную любовь, но теперь вся сила такой любви сосредоточена исключительно на немъ самомъ—почему онъ и выражается въ безощаднаго, утонченнаго эгоиста“ (*Ibidem*, XXI—XXII).

²⁾ Ср. характеристику А. С. Пушкина, данную Д. С. Мережковскимъ („Филосовскія теченія русской поэзіи“. Составилъ П. Перцовъ. СПБ., 1899², стр. 44 слѣд.).

³⁾ „Во все времена“,—говорить Пушкинъ въ бесѣдѣ со Смирновой,—„были избранные, предводители; это восходитъ до Ноя и Авраама... Розумная воля единицъ или меньшинства управляла человѣчествомъ“.

⁴⁾ Ср. проф. Д. И. Овсянко-Куликовскій, „Исторія русской интеллигентіи“, часть первая, глава V: Печоринъ (стр. 107—116).

⁵⁾ Ср. статью „Что такое обломовщина?“ (Сочиненія Н. А. Добролюбова, т. II, СПБ., 1896⁵, стр. 491—526).

городничихъ, Хлестаковыхъ и т. д. Выведенные имъ въ «Мертвыхъ Душахъ» крестьяне решаютъ глубокомысленные вопросы, напр., о томъ, доѣдеть ли колесо чичиковской брички до Казани, и ни слова не говорятъ о своемъ житьѣ-бытьѣ. Подъ конецъ Гоголь совсѣмъ ушелъ въ область мистическихъ переживаний своей личности.

Противоположное указанному общественное направление начало выявляться въ русской литературѣ въ самомъ началѣ XIX в. и особенно въ 30-е и 40-е годы. Это направление исходило изъ кружковъ Станкевича, Герцена и Бѣлинского, который еще въ 1834 г. призывалъ человѣка «отречься отъ себя, попрать ногами свое своекорыстное я, дышать для счастья другихъ, жертвовать всѣмъ для блага ближняго, родины, для пользы человѣчества»¹⁾. Въ началѣ 40-хъ годовъ, подъ вліяніемъ соціалистическихъ идеи Сенъ-Симона, Фурье, Луи-Блана, что золотой вѣкъ не позади, а впереди,²⁾ это направление развертывается все шире и шире. Правда, реакція 1848—1855 гг. нѣсколько придавила его, на зато оно стремительно развивается послѣ 1855 г. Для политico-экономиста Чернышевскаго общественное благо—это цѣль и принципъ жизни³⁾. Добролюбовъ стремится къ тому, «чтобы всѣмъ было хорошо». Нужно жить не для себя, а для другихъ, для ихъ пользы. Вотъ лозунгъ людей этого лагеря. Впрочемъ, въ началѣ 60-хъ годовъ этотъ лозунгъ встрѣтилъ протестъ со стороны «дѣтей», воспитавшихся на другихъ по сравненію съ людьми 40-хъ годовъ идеяхъ и сильно увлекшихся естественными науками. Если принципъ жизни польза, а съ другой стороны, въ мірѣ идетъ

¹⁾ „Литературныя мечтанія“.

²⁾ „Я въ то время, писатель Салтыковъ,—только что оставилъ школьнную скамью и, воспитанный на статьяхъ Бѣлинского, естественно примкнулъ къ западникамъ. Но не къ большинству западниковъ—единственno авторитетному тогда въ литературѣ, которое занималось популяризованиемъ положеній нѣмецкой философіи, а къ тому безвѣстному кружку, который инстинктивно прилѣпился къ Франціи. Разумѣется, не къ Франціи Луи-Филиппа и Гизо, а къ Франціи Сенъ-Симона, Кабе, Фурье, Луи-Блана и, въ особенности, Жоржъ-Занда. Оттуда лилась на насъ вѣра въ человѣчество, оттуда возсияла намъ увѣренность, что золотой вѣкъ находитъ не позади, а впереди пастъ.. Словомъ сказать, все доброе, все желанное и любвеобильное шло оттуда“ (Ср. Андреевичъ, „Опытъ философіи русской литературы“. СПБ., 1909², стр. 25).

³⁾ Ср. Ив. Ивановъ, „Исторія русской критики“. Части третья и четвертая. СПБ., 1900, стр. 529 слѣд.; С. А. Венгеровъ, „Героический характеръ русской литературы“. СПБ., 1911, стр. 140—144.

«борьба за существование», то почему я долженъ поступаться своей пользой ради другихъ. «А я и возненавидѣлъ этого послѣдняго мужика, Филиппа или Сидора, для котораго я долженъ изъ кожи лѣзть и который мнѣ даже спасибо не скажетъ... да и на что мнѣ его спасибо? Ну, будешь онъ жить въ бѣлой избѣ, а изъ меня лопухъ расти будетъ; — ну, а дальше?»—говоритъ Базаровъ у Тургенева, всегда умѣвшаго уловить новое теченіе въ общественной жизни. Въ это именно время и выступаетъ на сцену Писаревъ съ своимъ принципомъ индивидуального благополучія. Правда, широкій общественный подъемъ половины 60-хъ годовъ, эта эпоха великихъ реформъ, заставила общество забыть о разумномъ эгоизмѣ; конецъ 60-хъ и 70-е годы были годами расцвѣта увлеченій общественными идеалами, вылившимися теперь въ форму «народничества». Однако, ударъ, нанесенный Базаровымъ утилитаризму, требовавшему самоотверженного служенія другимъ, заставилъ народниковъ обратиться къ Лаврову за философскимъ обоснованіемъ ихъ практики и ихъ стремленій. Лавровъ создаетъ теорію «критически-мыслящей личности», воспринятую и Михайловскимъ. Но Лавровъ не смогъ дать того, чего отъ него ожидали: его теорія страдаетъ тѣмъ, что основанія не совпадаютъ съ выводами. Стоя на позитивно-эволюціонной точкѣ зренія, онъ хочетъ, однако, въ угоду предъявленнымъ къ нему требованіямъ, на первый планъ въ исторіи и историческомъ прогрессѣ выдвинуть личность и именно критически мыслящую; между тѣмъ, оказывается, что какъ бы тамъ личность ни критиковала, для нея обязателенъ и неизбѣженъ одинъ путь: забывая о себѣ, отдать себя на служеніе народному благу, которое и является цѣлью прогресса; пусть этого блага, этого счастья еще нѣтъ, но оно придетъ; золотой вѣкъ впереди. Эту именно непослѣдовательность въ теоріи народниковъ такъ зло высмеялъ покойный Влад. Соловьевъ, который говорилъ, что народники строятъ такой силлогизмъ: «человѣкъ происходитъ отъ обезьяны, слѣдовательно, будемъ любить другъ друга». Такъ и осталось у народниковъ въ ихъ «теоріи позитивнаго прогресса», какъ называется ее Ивановъ-Разумникъ, невыяснившимъ, почему же индивидуумъ долженъ жертвовать своею личностью ради счастья тѣхъ людей, которые придутъ, неизвѣстно когда, почему онъ долженъ быть средствомъ, а не цѣлью. И эта-то слабая сторона народничества и привела его къ смерти уже въ концѣ тѣхъ же 70-хъ го-

довъ и, наоборотъ, дала опору новому направлению индивидуалистическому, ярко проявившемуся въ произведенияхъ Достоевского. Еще Герценъ, разочаровавшійся въ Западѣ и западной культурѣ, писалъ («Съ того берега»): «Для кого мы работаемъ? Кто этотъ Молохъ, который, по мѣрѣ приближенія къ нему тружениковъ, вмѣсто награды, пятится и въ утѣшеніе изнуреннымъ и обреченнымъ на гибель толпамъ, которыхъ ему кричатъ *morituri te salutant*, только и умѣеть отвѣтить горькой насмѣшкой, что послѣ ихъ смерти будетъ прекрасно на землѣ?...»¹⁾). Въ началѣ 60-хъ годовъ ту же мысль высказываетъ, какъ мы видѣли, Базаровъ, а теперь протестуетъ Иванъ Карамазовъ: «Не для того же я страдалъ, чтобы собой, злодѣйствами и страданіями моими унавозить кому-то будущую гармонію»²⁾). Личность для Ивана Карамазова имѣетъ самодовѣрюющее значеніе: ею нельзя жертвовать ради какой-то высшей гармоніи. «Не стоить она», — говоритъ Карамазовъ, — «слезинки хотя бы одного только замученного ребенка, который билъ себя кулакомъ въ грудь и молился въ зловонной конурѣ своей неискупленными слезками своими къ «Боженькѣ»³⁾). Крайняго своего развитія эти индивидуалистическая мысли достигаютъ у человѣка изъ подполья: «На дѣлѣ мнѣ надо, знаешь чего: чтобы вы провалились, вотъ чего! Мнѣ надо спокойствія. Да я за то, чтобы меня не беспокоили, весь свѣтъ сейчасъ же за копейку продамъ. Свѣту ли провалиться или вотъ мнѣ чаю не пить? Я скажу, что свѣту провалиться, а чтобы мнѣ чай всегда пить»⁴⁾). «Въ Достоевскомъ», — пишетъ одинъ современный критикъ, — «родился русскій Ницше, задолго до нѣмецкаго предвосхитившій его идеи анархического ультра-индивидуализма»⁵⁾.

Развитіе индивидуалистическихъ воззрѣній можно прослѣдить и у Толстого, который обращаетъ исключительное вниманіе на личность, на ея совершенствованіе и который отрицаетъ и общество, и государство. Интересно, что даже основывающуюся на религіозной вѣрѣ дѣятельную любовь къ

¹⁾ Сочиненія А. И. Герцена. Изд. Павленкова. Т. V-й, СПБ. 1905 г., стр. 186.

²⁾ Полное собрание сочинений Ф. М. Достоевского. Издание Маркса. Томъ XII, стр. 289.

³⁾ Тамъ же, стр. 290.

⁴⁾ Сочин. т. III, ч. II, стр. 171.

⁵⁾ Ю. Александровичъ, „Исторія вовѣйшей русской литературы — 1880—1910 г.“ Часть 1-я: Чеховъ и его время. Москва, 1911, стр. 281.

людямъ Толстой склоненъ считать ложной. По крайней мѣрѣ, въ посмертномъ его разсказѣ «О. Сергій» Толстой пишетъ: «Онъ (О. Сергій) чувствовалъ въ глубинѣ души, что дьяволъ подмѣнилъ всю его дѣятельность для Бога дѣятельностю для людей» ¹⁾.

До сихъ поръ индивидуалистическая тенденція замѣтно проявлялась только у отдельныхъ писателей. Но вотъ въ концѣ 80-хъ и 90-хъ годовъ въ лицѣ декадентовъ въ русской литературѣ появляется цѣлое индивидуалистическое направление ²⁾. Декадентство не было только литературнымъ направлениемъ и всего меньше оно выражалось въ новыхъ пріемахъ творчества, новомъ слогѣ и новыхъ метрахъ; декадентство было живымъ протестомъ личности противъ рабства ея далеко не въ одной только литературной области ³⁾). Декадентство ратовало за свободу личности вообще и въ этомъ своемъ стремлениіи оно отвергло всѣхъ прежнихъ кумировъ и, прежде всего, кумира общественности: по мнѣнію декадентовъ, борьба за народное счастье—это «чумное пятно», омрачавшее русскую поэзію ⁴⁾). Нѣть ничего обязательного для человѣка: ибо «нѣть

¹⁾ Посмертныя художественные произведения Льва Николаевича Толстого. Издание Александры Львовны Толстой. Томъ II. Москва, 1912. стр. 32.

²⁾ Въ 1911 и 1912 г. вышли въ свѣтъ двѣ книги нѣкоего Александра Закржевскаго, въ которыхъ онъ старается указать тѣсную связь между Достоевскимъ и послѣдующей, вплоть до нашихъ дней, литературой. Утверждая, что „Достоевский весь воплотился въ современности, что онъ сталъ вдохновеніемъ и отправной точкой почти для всѣхъ нашихъ писателей, поэтовъ философовъ, что современное сознаніе все цѣликомъ вышло изъ Достоевского, что творчество нынѣшняго времени буквально живеть имъ, лишь видоизмѣняя и преображая его мысли, его открытия, его бездонную и вѣчную глубину“ („Карамазовщина“). Психологическая параллели. Достоевскій, Валерій Брюсовъ, В. В. Розановъ, М. Арцыбашевъ. Кіевъ, 1912, стр. II), Закржевскій, между прочимъ, говоритъ, что въ „Запискахъ изъ подполья“ „заложены корни той индивидуалистической теоріи, на которой воздвигнуло „декадентство“ свой хрупкій и прозрачный храмъ, и, что важнѣе всего,—здѣсь колыбель философіи Ницше, фактъ, съ которымъ будущіе историки литературы несомнѣнно будутъ считаться“ („Подполье“). Психологическая параллели. Достоевскій, Л. Андреевъ, Ф. Сологубъ, Л. Шестовъ, А. Ремизовъ, М. Паньюковъ. Кіевъ, 1911 г., стр. 9).

³⁾ Ср. К. О. Головинъ (Орловскій), „Русскій романъ и русское общество“. СПБ., 1904² г., стр. 483.

⁴⁾ „Индивидуализмъ во всей его полнотѣ и цѣлостности чуждъ революціи, ибо основная его цѣль разрываетъ рамки политическихъ со-

добра и зла, а есть только факты», «ибо нѣтъ двухъ путей добра и зла—есть два пути добра»¹). Это отрицаніе различія между добромъ и зломъ повело декадентовъ въ дальнѣйшемъ по двумъ направленіямъ: съ одной стороны, къ поставленію на мѣсто Бога себя, своего я, а, съ другой,—къ замѣнѣ прежняго служенія добру служеніемъ злу (Послѣднимъ путемъ пошли не всѣ декаденты). Разъ нѣтъ добра, то нѣтъ и источника добра—Бога,—это былъ вполнѣ послѣдовательный силлогизмъ декадентовъ, который привелъ ихъ и къ другому вполнѣ логическому заключенію: человѣкъ есть мѣра всѣхъ вещей²), онъ же есть и Богъ.

„Я Богъ таинственного міра,
Весь міръ въ однѣхъ моихъ мечтахъ“, —

горделиво заявляетъ Федоръ Сологубъ, которому со всей непосредственностью женской натуры вторитъ Зинаида Гиппіусъ:

„Люблю себя, какъ Бога“.

Нѣкоторые изъ декадентовъ, впрочемъ, отказались отъ божескихъ почестей себѣ, а стали воздавать ихъ дьяволу, сатанѣ. «Духъ (Бальмонта) вампиromъ сатану поетъ и славить»; этому поэту дорого всякое зло³), «чума, проказа, тьма, убийство и бѣды, Гоморра и Содомъ». У Ф. Сологуба нѣтъ Бога, но зато есть «отецъ мой—Дьяволъ»⁴).

ціальныхъ и вообще, такъ сказать, „мѣстныхъ“ цѣлей и задачъ, на которыхъ основывается освободительный подъемъ массъ, и лежитъ „по ту сторону“, какъ выражается Ницше“ (Н. Я. Абрамовичъ, „Литературно-критические очерки“. Книга I: Творчество и жизнь. „Индивидуализмъ и революціонное движеніе“. СПБ., 1909, стр. 302).

¹) Естественно, что декаденты отрицаютъ и долгъ, и совѣсть:

„Вѣry: и совѣсть и долгъ—только дымъ,
Рабской цѣпи ничтожныя звенья,
Годы, годы служенія имъ
Всѣ не стоять минуты паденья“.

²) Почему же на мѣсто авторитета Бога ставится авторитетъ человѣка? Да по очень простой причинѣ:

„Не хочетъ жизни Богъ
И жизнь не хочетъ Бога“.

³) Ср. Ю. Стекловъ, „Современный литературный распадъ, его характеръ и причины“. СПБ., 1908, стр. 36—40.

⁴) Вотъ характерное для Ф. Сологуба стихотвореніе.

„Когда я въ бурномъ морѣ плавалъ
И мой корабль пошелъ ко дну,

Итакъ, человѣку открыта полная свобода во всемъ, ему разрѣшается служить злу и пороку, чѣмъ многие изъ декадентовъ и воспользовались.

Все это были, конечно, крайности взбунтовавшейся личности, «ощущеніе которой»,—по словамъ Д. В. Философова,—«характерно для неоромантиковъ или старыхъ декадентовъ»¹⁾.

Позднѣйшіе декаденты постарались смягчить рѣзкости старыхъ и стали искать то вѣчное, къ чему можно было бы приступиться, стали искать потеряннаго Бога. Это было въ началѣ 900-хъ годовъ, когда общество потянуло отъ марксизма²⁾, развившагося почти одновременно съ декадентствомъ, къ идеализму³⁾. Оно искало Бога въ религиозно-философскихъ собра-

Я такъ возвалъ: „отецъ мой, Дьяволъ,
Спаси, помилуй—я тону.
Не дай погибнуть раньше срока
Душѣ озлобленной моей.
Я власти темнаго порока
Отдамъ остатокъ черныхъ дней“.
И Дьяволъ взялъ меня и бросилъ
Въ полуистлѣвшую ладью.
Я тамъ нашелъ и пару веселъ.
И сѣрый парусъ и скамью.
И вынесъ я опять на сушу,
Въ больное злое житіе,
Мою отверженную душу
И тѣло грѣшное мое.
И вѣренъ я, отецъ мой, Дьяволъ,
Обѣту, данному въ злой часъ,
Когда я въ бурномъ морѣ плавалъ
И ты меня изъ бездны спась.
Тебя, отецъ мой, я прославлю
Въ укоръ неправедному дню,
Хулу надъ міромъ я возставлю
И соблазняя соблазню“.

(Собрание сочиненій. Изд. Шиповникъ, т. IX, стр. 75—76).

¹⁾ Д. В. Философовъ, „Слова и жизнь“. Литературные споры новѣйшаго времени (1901—1908 г.г.). СПБ., 1909, стр. 10.

²⁾ Ср. Ю. Александровичъ, „Послѣ Чехова“. Очерки молодой литературы послѣдняго дѣсятилѣтія—1898—908. Москва, 1908, стр. 70: „Декадентство явилось, быть можетъ, въ силу контраста, діаметрально противоположнымъ материалистическому экономизму міросозерцаніемъ и провозгласило символизмъ, сенсуализмъ и мистицизмъ столпами литературы“.

³⁾ Ср. Андреевичъ, „Опытъ философіи русской литературы“, СПБ. 1909², стр. 338—341.

ніяхъ, но не нашло и успокоилось на признаніи мистического анархизма, «въ лонѣ котораго», — какъ писалъ въ 1907 году Философовъ¹⁾, — очутилась почти вся современная молодая литература». И это былъ, какъ съ печалью констатируетъ Коганъ, «полный порывъ къ небу, полный скептицизмъ по отношенію къ землѣ»²⁾. Этотъ полный скептицизмъ и породилъ тотъ пессимистичекій взглядъ на жизнь, который такъ замѣтъ въ литературѣ послѣднихъ дней; тотъ безнадежный скептицизмъ, который хоронить «надежды и ликующую радость жизни, ея смыслъ, ея цѣли и стремленія»³⁾.

Въ половинѣ 90-хъ годовъ съ громкимъ протестомъ противъ рабства личности отъ всякаго рода обязанностей выступилъ Горькій, позже перешедшій въ лагерь марксистовъ.

Одновременно съ развитіемъ индивидуализма шло, впрочемъ, и развитіе марксизма⁴⁾ и вообще соціальныхъ теорій, которое высшей своей точки достигаетъ въ событияхъ 1905 г., когда заговорили о «диктатурѣ пролетаріата», и въ 1906 г., «когда, казалось бы, индивидуализмъ былъ побѣженъ навсегда торжествующей общественностью»⁵⁾. Но послѣ того какъ общественное движение потерпѣло пораженіе, личность⁶⁾ снова заявила о своихъ правахъ. «Внутренняя жизнь личности», — писалъ Гершензонъ въ предисловіи къ «Вѣхамъ», — «есть единственная творческая сила человѣческаго бытія и она, а не самодовлѣющія начала политическаго порядка, является единственно прочнымъ базисомъ для всякаго общественного строительства». А на этомъ въ свою очередь основывается «признаніе теоретического и практическаго первенства духовной жизни надъ внѣшними формами общежитія»⁷⁾.

¹⁾ Д. В. Философовъ, „Слова и жизнь“, стр. 94.

²⁾ П. Коганъ, „Очерки по истории новѣйшей русской литературы“. Томъ третій, вып. второй, стр. 4.

³⁾ М. Морозовъ, „Очерки новѣйшей литературы“. СПБ., 1911, стр. III—IV.

⁴⁾ Ср. Николай Энгельгардтъ, „Исторія русской литературы XIX столѣтія“. Томъ второй 1850—1900. СПБ., 1903, стр. 495—499.

⁵⁾ Д. В. Философовъ, „Слова и жизнь“, стр. 113.

⁶⁾ Подробиѣе объ индивидуализмѣ, его видахъ и исторіи въ русской литературѣ и жизни см. Ивановъ-Разумникъ, „Исторія русской общественной мысли“. Индивидуализмъ и мѣщанство въ русской литературѣ и жизни XIX в. Т. I и II, СПБ., 1907. (Есть и второе изданіе).

⁷⁾ „Вѣхи“. Сборникъ статей о русской интеллигенціи. Москва, 1910⁵, стр. II.

Такова та историческая обстановка, при которой началъ свое художественное творчество Л. Андреевъ.

Подводя итоги всему вышесказанному, мы не можемъ не замѣтить, что индивидуализмъ въ произведеніяхъ Леонида Андреева есть отображеніе того индивидуализма, который широко развился въ русскомъ обществѣ въ послѣднее время, именно какъ протестъ противъ угнетенія личности и низведенія ея на степень средства ради гармоніи будущихъ поколѣній, или какъ выражается одинъ изъ современныхъ критиковъ, противъ «безмыслицы соціального бытія»¹⁾,—того индивидуализма, который, отвергнувъ всѣ авторитеты, потерялъ почву и подъ самимъ собою и потому впалъ въ пессимизмъ. И съ этой стороны «творчество Л. Андреева является порожденіемъ момента»²⁾, «откликомъ того, что происходило въ душѣ мятущагося общества» въ 900-хъ годахъ³⁾, «отраженіемъ того, что пережили русскіе люди въ первое десятилѣтіе XX вѣка»⁴⁾. Возможно, далѣе, что именемъ Л. Андреева будетъ обозначена эпоха первого десятилѣтія XX вѣка, какъ имена Чехова и Горькаго связаны съ концомъ XIX-го⁵⁾. Въ этой тѣсной связи произведеній Л. Андреева съ жизнью момента и его сила, и его слабость: пройдетъ моментъ, и тогда наступить конецъ Андрееву, какъ наступилъ онъ въ свое время Горькому.

Гр. Прохоровъ.

СПБ.

8 Января 1912 г.

¹⁾ М. Морозовъ, „Очерки новѣйшей литературы“, стр. III.

²⁾ Т. Ганжулевичъ, „Русская жизнь и ея теченія въ творчествѣ Л. Андреева“. СПБ., 1908, стр. 53.

³⁾ П. Коіанъ, „Очерки по истории нов. рус. лит.“, III, 2, стр. 37.

⁴⁾ К. И. Арабажинъ, „Леонидъ Андреевъ“, стр. 279.

⁵⁾ Ивановъ-Разумникъ, „О смыслѣ жизни“. Ф. Сологубъ, Л. Андреевъ, Л. Шестовъ. СПБ., 1910, стр. 159. К. И. Арабажинъ, „Леонидъ Андреевъ“, стр. 2.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ

Санкт-Петербургская православная духовная академия — высшее учебное заведение Русской Православной Церкви, готовящее священнослужителей, преподавателей духовных учебных заведений, специалистов в области богословских и церковных наук. Учебные подразделения: академия, семинария, регентское отделение, иконописное отделение и факультет иностранных студентов.

Проект по созданию электронного архива журнала «Христианское чтение»

Проект осуществляется в рамках компьютеризации Санкт-Петербургской православной духовной академии. В подготовке электронных вариантов номеров журнала принимают участие студенты академии и семинарии. Руководитель проекта — ректор академии епископ Гатчинский **Амвросий** (Ермаков). Куратор проекта — профессор по научно-богословской работе священник Дмитрий Юрьевич. Материалы журнала готовятся в формате pdf, распространяются на DVD-дисках и размещаются на академическом интернет-сайте.

На сайте академии
www.spbda.ru

- события в жизни академии
- сведения о структуре и подразделениях академии
- информация об учебном процессе и научной работе
- библиотека электронных книг для свободной загрузки